

БОРОДИНО И РУССКАЯ СВЯТОСТЬ

Монахиня Евдокия (Киреева)

В небольшой статье нет возможности достаточно полно осветить такое емкое богословское понятие, как «святость», поэтому мы будем говорить главным образом о конкретных личностях, о святых угодниках Божиих, известных подвижниках благочестия и об их духовных контактах со Спасо-Бородинским монастырем. Коснемся также традиций православного подвижничества, наследницей которых стала его обитель. Все эти вопросы будут рассмотрены в контексте той эпохи духовного возрождения, которая имела место в России XIX века, что поможет не

только дополнить и расширить историю Спасо-Бородинского монастыря, но и увидеть место, которое заняла это сравнительно молодая обитель в ряду древних святынь земли Русской.

Первоначальная история монастыря на Бородинском поле являет собой пример древнего благочестия. Ведь при всей неординарности судьбы игуменьи Марии (Тучковой) история ее жизни напоминает жития многих прославленных и непрославленных подвижниц Святой Руси. Достаточно вспомнить таких угодниц Божиих, как прп. Анна Кашинская, прп. Евфросиния Московская, прпп. Евфросиния и София Суздальские. Все они, потеряв супругов своих, встали на путь монашеский. Это служение вдовиц Церкви Христовой берет свое начало еще со времен апостольских и становится, можно сказать, традиционным на Руси.

Прекрасен и величествен образ игуменьи Марии, от него веет древней святостью. Но не будем, однако, забывать, что решающее значение в создании Спасо-Бородинского монастыря имело руководство и покровительство святителя Филарета Московского. Для игуменьи Марии он был поистине «отцом-благодетелем» (так величала его сама основательница обители).

Митрополит Московский и Коломенский
Филарет (Дроздов).
Гравюра Ф.Алексеева. 1833 г.

Этой связи можно провести следующую аналогию. Многочисленные женские обители и общины, учрежденные в XIX в. в России, имели своими почитателями и руководителями святых подвижников. Так, знаменитый Дивеевский монастырь был создан по благословению прп. Серафима Саровского, прп. Амвросий Оптинский основал Шамординскую пустынь, а прп. Варнава Гефсиманский — Иверский Выксунский монастырь. Это наиболее известные примеры.

По словам Елизаветы Шаховой, биографа игуменьи Марии, ни одна обитель того времени не

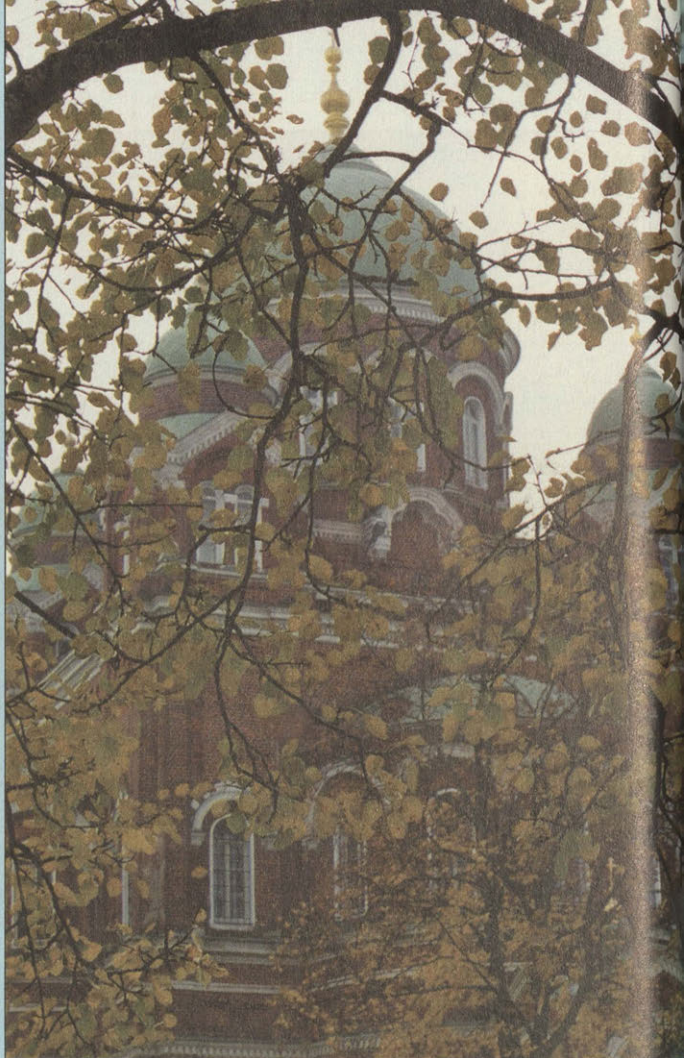
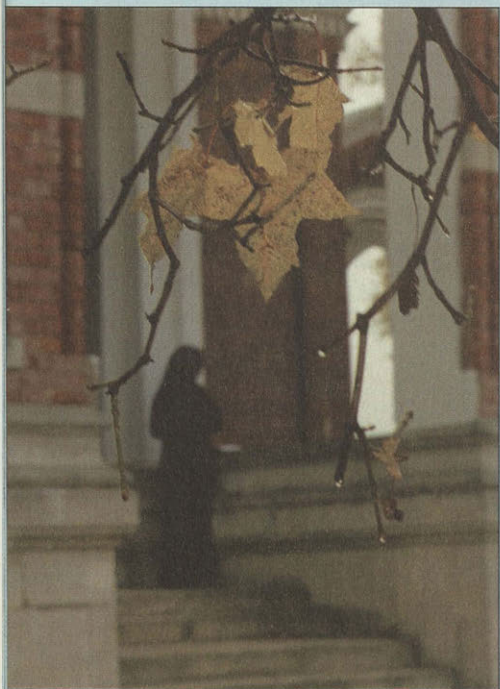
могла похвалиться столь близким общением со свят. Филаретом, как бородинская. Об этом свидетельствуют его письма к двум настоятельницам монастыря, первоначальнице Марии и ее преемнице, игумении Сергии (Волконской). В них святитель предстает перед нами и как талантливый организатор монашеского общежития, и как рачительный хозяин-строитель, и как старец-духовник, и как чадолубивый отец.

Игуменья Мария почитала святого архипастыря «благодетелем души своей»: ведь благодаря его мудрому руководству она воскресла к новой жизни во Христе. До конца дней своих матушка ничего не предпринимала без совета и благословения свят. Филарета. Его назидательными письмами она питала и своих духовных чад, сестер бородинских. «Общежительные правила», составленные святителем Филаретом согласно древним иноческим уставам, легли в основу Устава Спасо-Бородинского монастыря. Некоторых сестер обители святой архипастырь знал лично и нередко принимал их на Троицком подворье как по вопросам обители, так и по личным нуждам.

Свидетельством прижизненного почитания московского святителя в Бородине стала домо-

Собор Владимирской иконы Божией Матери
Спасо-Бородинского монастыря.
Архитектор М.Выковский.1851–1859 гг.

**СПАСО-БОРОДИНСКИЙ
МОНАСТЫРЬ**

«День Бородина» 1999 г.
Архиепископ Можайский Григорий со священнослужителями на Батарее Раевского

«День Бородина» 1999 г.
Насельницы Спасо-Бородинского монастыря

вая церковь, названная в честь его небесного покровителя, св. прав. Филарета Милостивого. Святитель Филарет освятил ее 23 июля 1839 года, а вместе с нею и весь монастырь, обойдя его крестным ходом и окропив стены святой водой.

После освящения храма свт. Филарет произнес замечательную проповедь, основная идея которой такова: создание обители монашеской есть образ созидания души человеческой для вселения в нее Бога. В благодатном обожении человека видит он смысл и цель жизни христианина. Эту же мысль святитель Филарет часто повторяет в письмах к игумении Марии. Как сходна она со словами их великого современника, прп. Серафима Саровского, произнесенными еще в 1831 г.: «Истинная цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святого Божия». Это созвучие не случайно: ведь святитель и преподобный — ветви одного дерева, напаяемого от вод святоотеческой мудрости, представители одной эпохи, когда воскресло вновь древнее учение о призвании всякого христианина к обожению и святости. Этой идеей вдохновлены и пронизаны творения свв. отцов Церкви, ею созидался дух русского монашества в прежние времена, она же стала знамением и духовного расцвета России XIX в.

А прп. Серафим был в то время живым примером благодатного обожения и святости. В келье основательницы Спасо-Бородинского монастыря мы находим его прижизненный портрет, который свидетельствует о его почитании иг. Марией еще до церковного прославления. И не только до прославления, но и когда самый вопрос о канонизации великого угодника Божия был весьма спорным.

Откуда же могла знать матушка о преподобном? Как могла проникнуться благоговением к нему? Несомненно, она знала о прп. Серафиме и восприняла свет его святости от наместника Троице-Сергиевой лавры архимандрита Антония (Медведева, канонизирован в 1998 г.). От его руки, по благословию свт. Филарета, приняла матушка иноческий постриг и до самой кончины своей находилась с ним в дружеских отношениях. От него она, по-видимому, получила портрет преподобного.

Архимандрит Антоний начал свой монашеский путь в знаменитой Саровской пустыни. Прп. Серафим тогда еще находился в затворе. Но позже, уже будучи строителем Высокогорского монастыря, прп. Антоний был частым посетителем великого старца. От него он получил извещение, что станет наместником «обширной Лавры».

Благодатный свет общения с прп. Серафимом Антоний смог передать не только иг. Марии, но и самому святителю Филарету. Причем последний настолько проникся верой в святость Саровского Чудотворца, что был инициатором издания первого его жития. В этом своем начинании свт. Филарет не был поддержан Священным

Синодом, но все-таки благословил распространять житие в списках.

Через прп. Антония была связана иг. Мария и с представительницами женского монашества — ученицами известного старца-подвижника Феодора Ушакова, вышедшего из круга собеседников преп. Паисия Величковского. Настоятельница Арзамасской Алексеевской общины, основанной старцем Феодором, инокиня Олимпиада (Стригалова) долгое время была духовной наставницей преп. Антония. Арзамасская община имела строгий общежительный устав и восприняла от своего основателя наставление в умном делании.

Несомненно, что преподобный Антоний в своих беседах с игум. Марией (Тучковой), которые происходили всякий раз во время ее ежегодных паломничеств в Лавру, делился с нею своим духовным опытом и помогал ей в затруднительных вопросах монашеской жизни. Нельзя обойти стороной и то решающее значение, которое имела эта обитель в жизни иг. Марии. Игумена земли Русской, прп. Сергия, матушка почитала, еще будучи светской женщиной. В Троицком соборе Лавры, у раки преподобного, сподобилась она принять иноческий и монашеский постриги, там же была поставлена в сан игумении. При постриге в рясофор восприимчивым отцом Тучковой был свт. Филарет, при мантийском же постриге он собственноручно подвел ее к раке преподобного, тем самым вручая новопостриженную его святому руководству и заступлению.

За месяц до блаженной кончины иг. Марии прп. Сергий явился ей во сне, как бы призывая принять его последнее благословение, после чего уже слабеющая матушка устремилась в Лавру, чтобы поклониться св. мощам преподобного. Его предстательству и молитвам препоручила она, умирая, свою обитель.

Следующим современником иг. Марии, к которому обращалась она за наиданием, был святитель Игнатий (Брянчанинов). По приглашению матушки он, еще будучи архимандритом, наместником Троице-Сергиевой пустыни, что под Петербургом, гостил в Спасо-Бородинском монастыре с 30 июля по 2 августа 1847 года.

Много часов провела иг. Мария в беседах с богомудрым подвижником, великим писателем-аскетом. Направляла она к нему за советом и своих духовных чад. Накануне отъезда свт. Игнатий произнес пространное поучение для всех сестер, в котором объяснял Божественный смысл Нагорной проповеди применительно к монашеской жизни.

Бессмертным памятником этого посещения является «Воспоминание о Спасо-Бородинском монастыре», написанное святителем вскоре после посещения обители.

Подробнейшее описание пребывания свт. Игнатия в Бородине можно найти в «Памятных записках...» Елизаветы Шаховой, духовной дочери свт. Игнатия, положившей начало иночес-

Часовня на могиле преподобной Рахили

кому житию в Спасо-Бородинском монастыре под руководством игуменнии Марии.

Была знакома матушка и с подвижниками Глинской пустыни. Именно в Бородино зимой 1842 года приехал за помощью возобновитель Святогорской Харьковской пустыни иеромонах Арсений (Митрофанов), ставший впоследствии ее архимандритом. Это был подвижник, исполненный дарований духовных, любимый ученик знаменитого глинского старца игумена Филарета, который, в свою очередь, назидался у архимандрита Софрониевой пустыни, старца Феодосия, друга и сподвижника прп. Паисия (Величковского).

Иг. Мария дала о. Арсению рекомендательное письмо к известной церковной благотворительнице того времени, Татиане Борисовне Потемкиной, которая стала главным ктиторм возрождающейся Святогорской обители и благодаря которой монастырь этот стал одним из красивейших и благоустроеннейших в России.

Иг. Мария была знакома и состояла в переписке с уважаемым современником игуменом Паисием (Соколовым), настоятелем Вознесенской Давидовой пустыни Московской епархии. Из писем к нему мы узнаем, что в конце 30-х — начале 40-х годов матушка совершила паломничество в Киево-Печерскую лавру, где «по любви митрополита Киевского жила в начальнической келии, что при пещерах». «Могу сказать, — пишет она, — что душа насладились зрением святых».

Еще одним представителем русской святости, лично знавшим основательницу Бородинского монастыря, был известный старец Зосима (Верховский), ученик старца Василия из круга прп. Паисия Молдавского. Этот подвижник был деятелем умной молитвы, опытным старцем-духовником. Он основал 2 женских обители: Ту-

ринскую в Сибири, и Богородице-Одигитриеву в Верейском уезде Московской губернии, пользовался благоволением свт. Филарета.

Старец Зосима посетил Спасо-Бородинский монастырь на самой заре его существования, в 1828 году, когда и монастыря, собственно говоря, еще не было. Но прозорливому старцу, по видимому, было открыто будущее. Он привел к вдове Маргарите Михайловне Тучковой свою внучатую племянницу и духовную дочь, 16-летнюю Надежду Потемкину, и, повергнув к ногам начальницы, просил принять ее в бородинскую общину, говоря, что «она будет полезна обители духовно». Слова старца Зосимы сбылись. Его духовная дочь стала впоследствии первой бородинской старицей, получив в схиме имя Сарры, став великой молитвенницей, печальницей, целительницей духовных и телесных немощей.

Своей преемнице по старчеству, прп. Рахили, блаженная старица Сарра предсказала служение еще более высокое. Действительно, преподобная Рахиль, вторая старица бородинская, проходила свое служение в страшные годы революционной смуты, гражданской войны, разрухи, голода, коллективизации, раскулачивания, просвещая мрак безбожия благодатным светом своих молитв, милосердия и любви.

С именем прп. Рахили в историю обители Бородинской входят имена еще двух русских святых. Это прежде всего прп. Феодосий Киево-Печерский, начальник монастыря российского, которого с юных лет почитала преподобная и житию которого старалась подражать. Он не раз являлся подвижнице, причем это происходило в решающие моменты ее жизни. Преп. Феодосий благословил прп. Рахиль на монашество, призвал к подвигу старчества, возвестил «отсрочку

смерти» ради спасительного служения людям, известил о дне кончины. Святая угодница настолько живо ощущала покровительство прп. Феодосия, что даже называла его своим старцем.

Другим святым подвижником, оказавшим большое влияние на прп. Рахиль, был прп. Иоанн Святогорский (канонизирован УПЦ). Она посетила его во время своих странствий, в 1861 году, когда этот старец-затворник уже сиял святостью. Он был выходцем из Глинской пустыни, учеником вышеупомянутого иг. Филарета. Прп. Иоанн, по-видимому, наставил прп. Рахиль в умном делании, прибавив тем самым к ее деятельной добродетели второе кольцо — непрестанную молитву. Он же прозорливо предсказал подвижнице предстоящее ей в будущем старческое служение и за много лет благословил ее на этот великий подвиг.

Знал о подвижниках Спасо-Бородинского монастыря и прп. Амвросий Оптинский. Когда старица Сарра через шедших в Оптину передала ему поклон и попросила прислать ей свой халат и онучу, то старец сказал, что хотя они никогда не виделись, но духом знакомы, и что матушка Сарра — великая подвижница, молитвенница, украшение Спасо-Бородинского монастыря. Не посмел прп. Амвросий отказать старице — послал халат и онучу, да приложил еще гостинцев и собственный портрет. Сестер же бородинских наставлял любить и почитать старицу, молиться за нее и открывать ей свои помыслы.

Есть упоминание о прп. Амвросии и в житии прп. Рахили. К нему, как последней надежде, пришел в поисках пропавшей дочери ее отец и получил от старца утешительный ответ, что она находится на правильном пути. Тем самым преподобный как бы заочно благословил будущую старицу.

Преподобные старицы Рахиль и Сарра — драгоценные плоды бородинского духовного сада. Но Бородино славилось не только своим старчеством. Современники смотрели на него как на рассадник духовности. Не случайно поэтому из стен святой обители вышло несколько игумений.

Первая из них — иг. Антония (Троилина), близкая духовная дочь иг. Марии, ее возлюбленное чадо. Святителем Филаретом она была назначена настоятельницей сна-

чала Страстного, а потом — Алексеевского московских монастырей. В этих обителях иг. Антония ревностно насаждала общежительный устав, пользу которого она познала в Бородине.

Преемница иг. Марии, иг. Сергия (Волконская), после 20-летнего настоятельства в родной обители была переведена в московский кремлевский Вознесенский монастырь, а монахиня Валерия (баронесса Боде) стала игуменией московского Страстного монастыря.

К иг. Марии обращались архипастыри и других епархий с просьбами дать сестер для новооткрывающихся монастырей. Так, ее сподвижница монахиня Саломия (Воейкова) была поставлена игуменией в новгородский Старо-Ладожский монастырь, а монахиня Евфросиния (Бехтерева) — в Полоцкий монастырь прп. Евфросинии. Хотя последняя не доехала до места своего служения, скончавшись в дороге, однако, по всей видимости, бородинские сестры принимали деятельное участие в возобновлении этой древнейшей обители Святой Руси.

На этом оканчиваются имена известных нам подвижниц Спасо-Бородинского монастыря, их святых современников и собеседников.

Конечно, многое осталось сокрытым от нас — как, например, общение иг. Марии с московской подвижницей болящей Юлией, о котором упоминает в своих «Дневниках» иг. Евгения Озерова. Таинственной остается фигура одной из настоятельниц нашей обители схиигумении Алексии, привезшей в Бородино прп. Рахиль. Но ясно одно, что Спасо-Бородинский монастырь, созданный, на первый взгляд, по причине частной, семейной скорби, не только стал выра-

жением чувств общенародных, но явился одним из ярких примеров того духовного возрождения, которое имело место в XIX веке в России.

Общение с выдающимися подвижниками своего времени позволило ему воспринять все лучшее, что было накоплено в богатейшей сокровищнице многовекового монашеского опыта.

Всего за 100 лет своего существования обитель Бородинская, привившись к древу святости русской, принесла плод в лице своих стариц-подвижниц и заняла определенное ей свыше место в ряду древних российских монастырей.

Икона преподобной Рахили

